

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Использование специальных знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии»

Студент

В.М. Тараторина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Работа посвящена проблемам процессуального обеспечения расследования занятия высшего положения в преступной иерархии и особенностей производства судебно-культурологической экспертизы.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Введение посвящено обоснованию актуальности процессуального обеспечения расследования занятия высшего положения в преступной иерархии и особенностей производства судебно-культурологической экспертизы, определению целей и задач, объекта и предмета исследования.

В первой главе рассматривается порядок назначения и производства судебной экспертизы по уголовному делу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, исследуется процессуальный статус эксперта, осуществляющего судебно-культурологическую экспертизу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Вторая глава посвящена криминалистическим особенностям производства судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Процессуальные аспекты использования специальных знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	7
1.1 Порядок назначения и производства судебной экспертизы по уголовному делу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	7
1.2 Процессуальный статус эксперта, осуществляющего судебно-культурологическую экспертизу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	13
1.3 Доказательственное значение заключения эксперта при проведении судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	23
Глава 2 Криминалистические особенности производства судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии	33
Заключение	49
Список используемой литературы и используемых источников	51

Введение

Актуальность темы исследования. В современном российском обществе по-прежнему актуальной является проблема организованной преступности. На это обстоятельство указывают, в том числе, показатели динамики преступности организованных групп или преступных сообществ, которая является положительной. Рассматриваемый вид преступности представляет наибольшую общественную опасность, так как организованные преступные объединения обладают развитой и стабильной структурой, связанной с разделением функций, упрощающей достижение преступного результата и осложняющей борьбу правоохранительной системы с этим явлением. Организованная преступность, как правило, обладает наиболее эффективными механизмами защиты, связанными как с высоким криминальным профессионализмом лиц, совершающих преступления, так и с активным внедрением преступного сообщества в экономику, с экономическими и коррупционными преступлениями. Более того, для современно организованной преступности характерно появление так называемого преступного менеджмента – «профессиональной» преступности, специализирующейся на организации и управлении криминальной деятельностью значительного числа лиц. Исходя из сложившейся ситуации, противодействие организованной преступности становится одним из значимых направлений внутренней политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности.

Актуальность исследования современного состояния преступной иерархии обусловлена не только теоретическим интересом к структуре преступного мира и необходимостью исследования личности преступника, его взаимоотношений с преступным сообществом, но также важностью уяснения понятия криминальной иерархии для правильного и единообразного применения уголовно-правовых норм, закрепленных в ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросами исследования понятия преступной иерархии, а также понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии рассматривались в трудах - Григорьев Д.А., Рагулин А., Фефелов В и др., признакам, характеризующим данное лицо - Сенатов А.В., Григорьев Д.А., Морозов В.И., Александров В.Б., Бринев К. И., Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д., Бурлаков В.Н., Варданян А.В., Габа А.И., Глазкова Л.В., Гришко А.Я., Голев Н.Д., Долгова А.И., Иванчин А. В., Лебедев В.М., Лукошкина С.В., Нестеров А.В., Пережогина Г.В., Поздняков М.А., Россинская Е.Р. и другие.

Объектом исследования выступают общественные отношения, которые возникают при назначении судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Предметом исследования являются процессуальные нормы, регламентирующие порядок и особенности назначения судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Цель и задачи исследования. Основной целью работы является разработка теоретических положений и научно-обоснованных рекомендаций при использовании специальных знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие основные задачи:

- рассмотреть порядок назначения и производства судебной экспертизы по уголовному делу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии;
- исследовать процессуальный статус эксперта, осуществляющего судебно-культурологическую экспертизу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии;
- проанализировать доказательственное значение заключения эксперта при проведении судебно-культурологической экспертизы

при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии;

- исследовать криминалистические особенности производства судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Методология и методика исследования. В процессе написания бакалаврской работы применялись диалектический метод, метод сравнительно-правового исследования и системного анализа, статистический и социологический методы, юридико-догматический метод, методы синтеза и анализа.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература в области криминологии и криминалистики, теории судебной экспертизы; статьи в ведущих периодических изданиях; а также диссертационные исследования, тематика которых не выходит за рамки настоящего объекта исследования.

Нормативно-правовую основу исследования составили действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, другие нормативно-правовые акты, регулирующие судебно-экспертную деятельность.

Научная новизна исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем, связанных с рассмотрением вопросов криминалистического обеспечения расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, в части назначения и назначения судебно-культурологической экспертизы.

Структура. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Процессуальные аспекты использования специальных знаний при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

1.1 Порядок назначения и производства судебной экспертизы по уголовному делу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

Сегодня в расследовании уголовных дел научные методы и передовые технологии применяются главным образом в рамках проведения судебных экспертиз. Зачастую именно при проведении данных экспертиз делается вывод эксперта, влияющий на формирование доказательственной базы.

Экспертному заключению во все времена уделялось особое внимание – экспертное заключение является важнейшим доказательством того или иного явления. В последние годы преступления переживают своего рода «эволюцию», их становиться, довольно, сложно раскрыть, вследствие чего не удается найти истинного виновного. Изучение вопросов, связанных с судебной экспертизой, имеет большое значение для юридической теории и практики. Если говорить о теории, то судебная экспертиза является категорией, требующей привлечения лиц, обладающих определенной, которая предоставляет возможность установления определённых обстоятельств, имеющих юридическое значение. Что же касается практики, то здесь вопросы о назначении и проведении судебной экспертизы, а также трактовки её результатов на прямую влияет на действия тех или иных участников судебного процесса. Проведение судебной экспертизы является неотъемлемой частью уголовного дела.

Так, Р.С. Белкин полагал, что общие законы развития науки преобразуются, модифицируются в законы криминалистики, создавая особое содержание криминалистического научного знания. В качестве одного из специфических законов развития криминалистики ученый называет активное

творческое приспособление для целей судопроизводства современных достижений тех наук, чьи положения не могут быть прямо, непосредственно использованы в практике борьбы с преступностью [20, с. 18].

Процесс судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве регламентируется статьями 195 –207, 282, 283 УПК Российской Федерации, а также отдельными статьями 43 Федерального закона от 31 мая 2001 № 73-124 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В Федеральном законе от 31 мая 2001 года № 73-11 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебная экспертиза определяется как «процессуальное действие, которое заключается в проведении исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует использования специальных знаний в области науки, искусства и ремесла и которые поставлены перед экспертом следователем, дознавателем или судом, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу». На уровне уголовно-процессуального законодательства судебной экспертизе отведено место в перечне следственных действия, исходя из этого можно заключить процессуальность судебной экспертизы. Кроме того, данное следственное действие проводится в соответствии с требованиями, предъявляемыми Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в котором также отражены ее форма, содержание и каким образом должны быть зафиксированы результаты производства судебной экспертизы [25, с 98].

Назначение экспертизы в уголовном процессе имеет свои, причем существенные, особенности. В отличие от гражданского процесса, в уголовном процессе начиная с 15.03.2013 возможно назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 4 ст. 195 УПК РФ). В уголовном процессе эксперт относится к иным участникам судопроизводства, это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК

РФ) [39]. Однако доказательством в уголовном процессе, в отличие от гражданского, выступает не только заключение эксперта, но и его показания, т.е. сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями ст. ст. 205, 282 37 УПК РФ (ч. 2 ст. 80 УПК РФ). Замена производства экспертизы, если имеются основания для ее производства, допросом эксперта не допускается (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам») [43].

Вызов эксперта, назначение и производство судебной экспертизы осуществляются в порядке, установленном ст. ст. 195-207, 269, 282 и 283 УПК РФ. Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, с которым знакомит подозреваемого, обвиняемого, его защитника, и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) [37, с. 78].

Судебная экспертиза при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии назначается на стадии предварительного расследования по постановлению следователя (ст. 195 УПК РФ) для установления обстоятельств, имеющих существенное значение для дела. Следователь, признав необходимым назначение экспертизы, выносит постановление о назначении судебной экспертизы, в котором указывает основания для назначения данной экспертизы, ФИО эксперта и наименование экспертной организации которой поручается проведение экспертизы, вопросы экспертизы, материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта. Следователь знакомит с постановлением лицо, в отношении которого оно вынесено и его представителя. Следователь и лицо в отношении, которого проводится проверка, с разрешения следователя может участвовать при проведении экспертизы [38, с. 68].

С ростом информативности экспертного заключения происходит рост и самой эффективности использования специальных знаний в ходе экспертизы, ее результатов. Следствие благосклонно более доверять результатам экспертного заключения, нежели иным доказательствам, полученным в ходе расследования по уголовному делу. Такая высокая степень доверия возникает прежде всего в изученности и в большей степени исследованности имеющихся методик, на основе которых проводятся различные виды (роды) существующих на сегодняшний день экспертиз. Высокая степень информативности экспертного заключения обусловлена и таким рядом факторов как: профессионализм и квалификация эксперта в определенной области знаний, его опыт; современная техническая оснащенность экспертных учреждений, на сегодняшний день достаточна велика и основана на использовании высокотехнологичных устройств и технологий, которые всецело исключают какую-либо ошибочность при исследовании того или иного объекта, представленного на экспертизу; кроме того особую роль при производстве экспертизы играют правовая и психологическая составляющие эксперта, поскольку в данном случае он является лицом, не заинтересованным по уголовному делу, а значит и свою работу эксперт выполнит добросовестно, в соответствии с нормами действующего законодательства [4, с. 461].

Особые, на наш взгляд, трудности при назначении судебной экспертизы на сегодняшний день вызывает постановка и правильная формулировка вопросов, которые должны быть поставлены на разрешение эксперту. Несмотря на имеющиеся в ходе полученного опыта суды, следователи и дознаватели в данной сфере, имеют определенного рода трудности на данном этапе, поскольку от неправильной постановки вопроса во многом зависит и сам результат исследования. Такая ошибка может порой дорогого стоить лицу, назначившему экспертизу [19, с. 51].

Судебные эксперты, проводившие экспертизу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, как показывает судебная практика приглашаются судом в судебное заседание для допроса и дачи

пояснений. Так, Липецким областным судом оправдан Тенгиз Г за отсутствием в его действиях состава преступления. 48-летнему уроженцу республики Грузия Тенгизу Г. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного 210.1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии). Исследовав представленные доказательства, выслушав доводы участников процесса, показания свидетелей, суд пришёл к выводу о необходимости оправдания подсудимого. [16, с. 195].

Суд постановил приговор на основании следующего. В апреле 2019 года Уголовный Кодекс был дополнен статьёй 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Лицо, привлекаемое к уголовной ответственности по данной статье, должно было совершать действия, подпадающие под состав преступления, начиная с апреля 2019 года. Однако обвинением инкриминируется совершение действий по занятию высшего положения в преступной иерархии до введения статьи 210.1 в Уголовный Кодекс. Факт занятия Тенгизом Г. высшего положения в преступной иерархии, который не является бесспорно установленным, обвинение относит к 1997 году, а нанесение на тело татуировок, согласно заключению судебно-культурологической экспертизы, могут свидетельствовать о принадлежности подсудимого к «ворам в законе», – к периоду не позднее 2011 года [12, с. 149].

В силу требований ст. 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет. Лицо не может нести ответственность за действия, совершенные до вступления в силу указного Федерального закона. Обвинительное заключение не содержит указания на совершение Тенгизом Г. после 12 апреля 2019 года конкретных противоправных действий, свидетельствующих о реализации им своих полномочий как «вора в законе». Допрошенные в суде эксперты указали, что снять с себя статус «вора в законе» само лицо не может. Сделать это может только так называемая «воровская сходка». Процедуры добровольного отказа от статуса «вора в законе» в действующем законодательстве не предусмотрено. Вменяя в вину Тенгизу Г. то, что после внесения изменений в

УК РФ, он продолжил занимать высшее положение в преступной иерархии и находится в криминальном звании так называемого «вора в законе», обвинение не указало, каким образом лицо, намеренное снять с себя это звание, должно действовать, не нарушая закон, каков правомерный способ прекращения такого статуса, – значит в приговоре [7, с. 57].

Таким образом, суд пришёл к выводу, что обвинение не представило доказательств того, что Тенгиз Г., действуя умышленно из корыстных побуждений и личной заинтересованности, с целью закрепления своего преступного влияния в Липецкой области, занял высшее положение в преступной иерархии и совершал какие-либо действия, обусловленные этим статусом, направленные на реализацию полномочий такого лица.

На основании изложенного, суд под председательством Татьяны Фроловой оправдал Тенгиза Г. за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного статьёй 210¹ УК РФ. Тенгиз Г. освобождён из-под стражи в зале суда. Приговор еще не вступил в законную силу и может быть обжалован в Первый апелляционный суд общей юрисдикции [44].

Таким образом, процесс проведения судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве регламентируется статьями 195–207, 282, 283 УПК Российской Федерации, а также отдельными статьями 43 Федерального закона от 31 мая 2001 № 73-124 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Вызов эксперта, назначение и производство судебной экспертизы осуществляются в порядке, установленном ст. ст. 195-207, 269, 282 и 283 УПК РФ. Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, с которым знакомит подозреваемого, обвиняемого, его защитника, и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением (ч. 3 ст. 195 УПК РФ).

1.2 Процессуальный статус эксперта, осуществляющего судебно-культурологическую экспертизу при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

В любом виде судопроизводства эксперт относится к группе субъектов, содействующих осуществлению правосудия, и участвует путем проведения им специальных исследований и его последующего допроса в судебном заседании судом и участвующими в деле лицами (п. 3 ч. 2 ст. 74, ст. 80 УПК РФ). В качестве доказательств выступает заключение эксперта, а в уголовном процессе также и показания эксперта. Экспертиза может поручаться как судебно-экспертному учреждению, которое может быть государственным или негосударственным, так и конкретному эксперту или экспертам.

Судебный эксперт привлекается к участию в деле непосредственно или опосредованно через экспертное учреждение. Соответственно, имеются некоторые различия по порядку привлечения эксперта, проверки его компетенции и уровня знаний и опыта, а также по основаниям и порядку заявления ему отводов, разъяснения прав, обязанностей и ответственности. При назначении экспертизы государственному судебно-экспертному учреждению, негосударственному экспертному учреждению или работающим в них экспертам разъяснение прав, обязанностей, ответственности эксперта, проверка его квалификации проводится руководителем такого учреждения. Хотя и следователь в своем акте о назначении экспертизы обязательно укажет права, обязанности и ответственность эксперта [23, с. 32].

В соответствии со ст. ст. 12, 13 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ [40] государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. Эту должность может занимать гражданин РФ, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными

правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин РФ, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы. Определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет. Согласно ст. 7 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-122 ФЗ при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Это второе основное требование к эксперту после требования о наличии у эксперта специальных знаний. Для эксперта, работающего в государственном судебно-экспертном учреждении, установлено дополнительное основание для его отвода, которое проявляется в установлении обстоятельств, подтверждающих заинтересованность в исходе дела руководителя данного учреждения (ст. 18 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ). Данное основание для отвода не является обязательным для эксперта негосударственного учреждения, хотя может быть применимо и для него [30, с. 259].

По общему правилу экспертная деятельность, осуществляемая для целей судопроизводства, не подлежит лицензированию (вопрос 4 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2002 г., 86 утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17.07.2002).

Судебная культурологическая экспертиза предполагает применение специальных знаний, которые напрямую не связаны с юриспруденцией. В

связи с этим зачастую при формулировании вопросов, которые предлагаются для разрешения эксперту, происходит подмена культурологических знаний юридическими. Профессия культуролога приобретает первостепенное значение. Это обусловлено необходимостью профессиональной деятельности культуролога по двум направлениям: работа по достижению целей и решению задач государственной культурной политики и экспертная оценка результатов этой работы. Наиболее продуктивно эти виды экспертной деятельности могут выполняться только профессиональными культурологами.

Неправильно сформулированный вопрос ведет к получению ответа, не относящемуся к сфере компетенции эксперта-культуролога, а значит, по объективным причинам заключения с ответами, которые предопределяются формулировкой вопроса, могут быть не приняты судом во внимание при вынесении решений.

Эксперту могут быть предоставлены для исследования татуировки, словесные материалы, представленные в виде письменного текста или произнесенных как комментарии. Действия эксперта включают следующие этапы: анализ коммуникативной ситуации, определение условий коммуникации, предметно-логический анализ речи, решение задач в соответствии с поставленными перед экспертом вопросами, формулирование выводов.

Современный культуролог – это «специалист, обладающий высокой эрудицией и компетенциями в таких сферах профессиональной деятельности, как научно-исследовательская, организационно-управленческая, проектно-аналитическая и экспертная, производственно-технологическая и культурно-просветительская, наконец, преподавательская деятельность» [34, с. 78].

Как ученый, «культуролог опирается на принципы этноса науки, неся на себе груз ответственности за выбор из известного ему спектра методов установления истины – конкретно именно того, который отвечает не только его личностным познавательным установкам, но и позволяет глубоко исследовать объект, включенный в социокультурный контекст, или, напротив,

предоставляет возможность вынести объект за пределы обыденного познания, с целью постижения его сути» [14, с. 5; 34, 78].

В этом смысле «ядром экспертно-аналитической деятельности, задающей масштаб социальной востребованности культуролога и раскрывающей широкие возможности приложения его профессиональных навыков, становятся:

- знание теории и методологии, включающей целый набор исследовательских средств и процедур для изучения мира культуры, доведенной до особого рода технологии и нормативных требований, предъявляемых к описанию исследовательской практики;
- гражданская позиция и социальная ответственность, в большей или меньшей степени, влияющие на познавательную установку ученого в отношении окружающей его социокультурной реальности;
- качества личности, соотносящиеся со спецификой научно-аналитической и экспертной деятельности, как интегральной сферы объект-субъектной объективности». [33, с. 429].

Экспертно-аналитическая деятельность выступает «сферой и комплексным направлением исследовательской деятельности научного сообщества, а также социальным институтом» [1, с. 69].

С одной стороны, это «открывает перед ученым пространство творческого поиска для решения нестандартных научных проблем, предполагает его научную добросовестность, основанную на синтезе профессионализма и этических принципов науки, а с другой – закрепляет статусно-ролевую позицию ученого в системе регулирования социокультурной практики» [32, с. 221].

Фактически же, «экспертно-аналитическая деятельность является интеллектуально-практическим полем, где культурологом продуцируется новое экспертное знание, несомненно связанное с установленными правилами описания и анализа текстов культуры, но, по существу, предъявляющее обществу собственную исследовательскую позицию или интерпретацию

феноменов, процессов, разных форм и видов практики, через систему специальных научных процедур, выходя за рамки существующих стереотипов и обыденного опыта [11, с. 56]. В этом видится эвристический потенциал экспертно-аналитической деятельности и проявляется ее системный характер.

В настоящее время «экспертно-аналитическая деятельность стала обширной и интенсивно разрабатываемой областью приложения культурологического знания и его творческой активности и, как правило, это разработка фундаментальных, теоретических и прикладных проблем, которые ведутся культурологами на основе теорий и методов, применяемых в разных науках о культуре» [13, с.7]. Но «многообразие видов экспертной деятельности предполагает, помимо общетеоретической подготовки, наличие у эксперта высочайшего уровня компетентности в одной из областей культурологического знания, делаая его носителем уникального знания» [27, с. 45].

Спецификация по профилям - закрепляет за культурологом неофициальный, а иногда и официальный статус – знатока своего дела. И в этом, собственно говоря, нет никакой иронии, поскольку «специалистов, обладающих профессиональным мнением в последней инстанции, на основании которого делается заключение об истинности или ложности принимаемого решения, в научном сообществе единицы» [8, с. 85].

Лингвокриминалистика – наука, которая охватывает три аспекта исследований:

- изучение текста в юридических целях;
- рассмотрение особенностей составления судебных лингвистических экспертиз;
- изучение социолингвистических аспектов криминальной субкультуры.

Главным объектом исследований экспертов-лингвистов, специалистов в данной области является текст как объединенная на основе смысла последовательность знаковых единиц, главными свойствами которой

становятся связность и целостность. Наряду с термином лингвокриминалистика в теоретической литературе встречается синонимичное понятие «юрислингвистика». Юрислингвистикой называют научную дисциплину, объектом изучения которой становится соотношение языка и права. К задачам юрислингвистики относят: изучение неправомерного применения языковых средств; исследование, практическую разработку юридического и лингвистического аспектов государственного языка, языковой политики; создание единых правил судебной экспертизы различных видов; лингвистическое образование специалистов в области права и т. д. Предметом юрислингвистики Н.Д. Голев называет, во-первых, применение языка в сфере юриспруденции, а также языковые нормы. При этом ученый считает, что понимание языка как объекта правовой защиты обладает, несомненно, правом на существование. Во-вторых, ученый высказывает мысль о том, что «к сфере рассмотрения юрислингвистикой относятся «закономерности естественного языка, которые положены в основание текста закона, во многом определяя его создание и применение в юридической практике». Данный аспект изучения языковых фактов исследователь называет металингвистическим [28, с. 161].

Именно в таком качестве, по мнению известного лингвиста, язык представлен как средство создания и понимания закона (законотворческая и интерпретационная функции естественного языка в юридической сфере), а также применения закона, когда язык представлен как предмет (или средство) экспертизы (имеется в виду лингвоэкспертная функция практического знания языка и теоретических знаний о языке, предполагающая целесообразность обращения к специальной лингвистической компетенции).

В качестве самостоятельной разновидности криминалистических исследований судебная лингвистическая экспертиза значительно распространилась в конце 90-х гг. XX в., так как появилась потребность в разрешении в правовом поле различных конфликтных коммуникативных ситуаций. Широкая представленность данного рода судебных экспертиз в

настоящее время объясняется особой значимостью специальных знаний лингвистов для всестороннего рассмотрения сути противоправных деяний. Данная деятельность предполагает наличие у специалиста (эксперта) специальных лингвистических знаний. При проведении исследования, судебной лингвистической экспертизы анализируются языковые единицы, высказывания, тексты, выраженные в устной и письменной форме. Лингвисты отмечают собирательный характер термина судебная лингвистическая экспертиза. Под данным единым термином подразумеваются ранее использовавшиеся наименования: текстологическая, филологическая, стилистическая, семасиологическая экспертиза. Говоря об эффективности судебной лингвистической экспертной деятельности, ее оправданности, специалисты сходятся во мнении, что одним из условий обоснованности, принятия лингвистической экспертизы в качестве доказательственного материала является корректность вопросов, поставленных перед экспертами-лингвистами.

Специалисты в области культурологии, языкознания, проводящие экспертизу, не должны решать правовые вопросы, которые не входят в их компетенцию; подтверждать достоверность сведений.

Юридически значимые признаки нарушения закона могут включаться в содержание вопросов, предлагаемых для разрешения эксперту (специалисту-лингвисту), если относятся к компетенции языковедов. Решение вопросов, относящихся к нормам права, не входит в компетенцию лингвистов. Вопросы, которые формулируются в задании эксперту (специалисту-лингвисту), должны быть корректными. При формулировании вопросов, которые предлагаются для разрешения эксперту (специалисту), следует учитывать обобщенный подход, сложившийся в сообществе авторитетных специалистов-лингвистов в отношении данной проблемы, исходить из рекомендаций, отражающих сложившуюся практику проведения судебных лингвистических экспертиз, исследований спорных текстов [24, с. 52].

Эксперт, как уже было отмечено, не должен вторгаться в правовое поле, которое находится вне его компетенции, – в то же время при анализе графических изображений он вынужден вторгаться в другие предметные области – историю, культурологию и политологию, в которых при отсутствии соответствующих документов о квалификации его суждения не имеют необходимого веса. Обязывая эксперта оставаться в рамках своей компетенции, реальная юридическая практика в то же время принуждает его из неё выходить.

Объективность интерпретации, представленной в экспертном заключении, должна подтверждаться апелляцией к научной, преимущественно лексикографической литературе, например, толковым словарям или словарям аргю, в которых обозначена стилистическая окраска тех или иных слов [31, с. 160].

Распространено мнение, согласно которому эксперт является лишь выразителем интересов следствия, тем самым его заключение лишено как таковой экспертной составляющей. Такое положение дел нельзя исключать полностью, однако в целом подобный взгляд является упрощением ситуации [5, с. 158].

Представляется ошибочным, исключать факт того, что «зачастую невозможно предвидеть всех обстоятельств, которые могут быть обнаружены экспертом в ходе предстоящего исследования, круг которых достаточно широк, начиная от тех, что имеют особое значение для уголовного дела и составляют предмет предстоящего судебно-экспертного исследования, и, заканчивая тем, что такие обстоятельства по природе своей вовсе не требуют производства какого-либо исследования, однако имеют существенное значение по расследуемому уголовному делу» [10, с. 27]. На такие случаи законодателем, на наш взгляд, предусмотрена весьма значимая в этом вопросе норма, предусматривающая право эксперта «давать заключение в пределах своей компетенции по не поставленным перед ним вопросам, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования» (статья 57 УПК РФ).

Однако, как показал анализ существующей судебной-следственной практики, данное право экспертами, а точнее сказать экспертная инициатива не находят своего отражения при производстве по уголовным делам. Такое положение вещей объясняется рядом причин: от нежелания эксперта вешать на себя дополнительный груз, до руководства последними вопросами, отраженными в постановлении о назначении судебной экспертизы. Безусловно, в этой связи целесообразно указать, что от следствия ускользает достаточно обширный массив криминалистически значимой информации [2, с. 117].

Напрашивается и другой вопрос: чья тут вина или ее вовсе нет? Конечно, можно оперировать тем, что все-таки экспертная инициатива – это все же право, а не законодательно закрепленная обязанность, а с другой стороны, тогда исключается главная задача эксперта – помощь следствию, выходит, что при таком раскладе эксперт не стремится найти истину, а значит, уголовное дело благосклонно отправится на полку «нераскрытых». Другой же причиной такого упущения можно назвать и недостаточную осведомленность самого следователя (дознателя) в круге вопросов, которые он может поставить на разрешение эксперту. В решение этой проблемы научным сообществом как процессуалистов, так и криминалистов ставился вопрос о законодательном закреплении такого понятия как предварительная консультация. Такая консультация позволила бы на первоначальном этапе разрешить круг вопросов, которые суд, следователь, дознаватель могут или должны поставить на разрешение эксперту для достижения максимального результата о производстве экспертизы. В этой связи станет возможным, во-первых, правильная формулировка поставляемых вопросов, а во-вторых, посредством такой консультации удастся избежать ненужных и лишних следствию и эксперту вопросов. Стоит отметить и тот факт, что в полной мере данная консультация не позволяет решить возникшую проблему полностью, поскольку в данной ситуации невозможно исключить некую заинтересованность эксперта в узком круге вопросов, ввиду его нежелания опять-таки выполнять лишней объем работы, или же во избежание давления

оказываемого со стороны лиц, проводящих расследование по уголовному делу и стремящихся разрешить определенные вопросы в определенном для них ключе. В этой связи нелишним было бы законодательное закрепление формы и содержания проведения такой консультации следователя, дознавателя, суда с экспертом, относительно предстоящего исследования [6, с. 593].

Как верно указывают ученые, что «практика давно идет по другому пути и активно использует такие консультации, в частности когда лицо проводящее расследование по уголовному делу знаком с экспертом, которому в последствии может быть поручено производство экспертизы, или же идет по пути наименьшего сопротивления, назначая ее конкретному эксперту, однако, на наш взгляд такое положение вещей нарушает ряд принципов уголовного судопроизводства, а значит не вполне можно признать такое исследование, соответствующим нормам законодательства» [26, с. 89].

Представляется, что именно поэтому вмешательство законодателя в урегулирование норм в данной части вопроса, было бы весьма уместным и своевременным.

Таким образом, «большую роль при расследовании и раскрытии занятия высшего положения в преступной иерархии играет судебная экспертиза, посредством применения которой следствие получает доказательства, имеющие существенное значение по уголовному делу» [3, с. 95]. Сущность же экспертизы, представляется в применении специальных знаний, в различных областях науки, искусства, ремесла.

Эксперт - это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном процессуальном порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК РФ). Он имеет права, несет обязанности и ответственность, предусмотренные законодательством РФ, в т.ч. Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Главные предъявляемые к нему требования - обладание специальными познаниями и отсутствие заинтересованности по делу.

1.3 Доказательственное значение заключения эксперта при проведении судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

Очень важное значение в правоприменительной деятельности имеет экспертное заключение в судебной стадии уголовного процесса. Для начала приведем понятие, которое содержится в ч. 1 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Так, заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

К требованиям, предъявляемым к форме экспертного заключения можно отнести перечень обязательных указаний в экспертном заключении, к которым в частности относится дата и место производства судебной экспертизы, основания производства судебной экспертизы, сведения, указывающие на то, что эксперт предупрежден за дачу заведомо ложного судебного заключения и иные.

Необходимо отметить, что несоблюдение данных указаний экспертом ведет к нарушению уголовно-процессуальных норм, и в последующем может быть признано недопустимым доказательством. Как справедливо отмечает В. М. Лебедев, отсутствие сведений о предупреждении эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного экспертного заключения или даже при отсутствии подписи, заверенной печатью экспертного учреждения, является процессуальным нарушением, приводящем к недопустимости использования экспертного заключения в качестве доказательства.

Необходимо отметить, что требований к наличию заверенной печатью экспертного учреждения подписи эксперта к форме экспертного заключения в Уголовно-процессуальном Кодексе не имеется, однако, подобное нарушение может повлечь за собой недопустимость использования экспертного заключения в качестве доказательства в будущем, поскольку экспертное

заключение имеет свои особенности в его использовании в качестве доказательства, а также требования к этой форме не только предусмотрены УПК РФ, но определены требованиями, предъявляемыми ФЗ от 31 мая 2001 г. №73-87 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и в свою очередь является законодательным пробелом, поскольку на первый взгляд перечень требований к форме экспертного заключения является исчерпывающим, однако, должен содержать применяемую на практике бланкетную норму к указанному выше Федеральному Закону, устанавливающему дополнительные требования к форме экспертного заключения.

Следующим требованием к форме экспертного заключения, предусмотренного статьей 204 УПК необходимо считать обязанность эксперта прикладывать материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (то есть фотографии, видеосъемку, схемы, таблицы и т. п.) при наличии и необходимости. Данные приложения, прилагаемые к заключению эксперта, будут являться его составной частью и, соответственно, в последующем будут оцениваться следователем и судом, в силу чего к ним также предъявляются требования, предъявляемые к доказательствам в рамках уголовного судопроизводства.

В рамках данного требования также представляется интересным сравнительный анализ норм Уголовно-процессуального кодекса и норм Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности». Так, Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, что материалы, иллюстрирующие заключение эксперта, прилагаются к заключению эксперта. Такая же, дублирующая норма права содержится Федеральном Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако, Федеральный закон также устанавливает обязательство судебно-экспертного учреждения хранить документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований и предоставлять данные документы по первому требованию органа или лица, назначившего судебную экспертизу. Данные

положения также не содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе. Кроме того, заслуживает особого внимания соотношение прилагаемых материалов, иллюстрирующих заключение эксперта и документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, которые предоставляются лишь по требованию органа или лица, назначившего экспертизу. Так, прилагаемые материалы, иллюстрирующие заключение эксперта, служат, в некоторой степени, заочным, письменным разъяснением ее результатов с целью максимально объемного понимания их лицом, назначившим экспертизу. В свою очередь документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований служат для более точного понимания условий и результатов проводимой экспертизы, выявления значимых для лица, назначившего экспертизу аспектов в рамках проводимой экспертизы. Однако, данные документы не сразу передаются лицу, назначившему экспертизу, а лишь по его требованию. Связано это с тем, что передача указанных документов не всегда необходима, и не всегда имеет процессуальную необходимость ввиду того, что передача данных документов без требования, назначившего экспертизу лица, может привести к загромождению самого процесса доказывания, увеличению документальной и материальной массы дела и, соответственно, в последующем увеличению сроков расследования преступления и нарушению некоторых принципов уголовного судопроизводства.

На практике возникают определенные проблемы, касающиеся экспертного заключения, остановимся на некоторых из них. Так, нередко бывают случаи, когда вопросы эксперту задают на основе уже имеющихся у следователя справочников (шаблонов), которые ориентированы на схожие преступления. В свою очередь, следователь, переписывая данные вопросы, максимально не вдаваясь в суть происходящего, может упустить достаточно немаловажный факт, который впоследствии значительно повлияет на исход конкретного дела в суде.

Кроме того, задавая весь список вопросов из «шаблонов» эксперту, следователь загружает его дополнительной работой, но по сути своей часть вопросов может вообще не относиться к происходящему. Вместе с тем, бывают ситуации, когда в экспертном заключении содержатся не все ответы на поставленные следователем вопросы, которые в свою очередь имеют достаточно важное значение для дела. Следователь, который не учел данное обстоятельство, упустил этот факт не может использовать такое заключение в качестве доказательства по делу. Когда происходят такие ситуации в обязательном порядке необходимо назначать дополнительную экспертизу по данному факту, с целью выяснения всех обстоятельств по делу.

Подобные случаи могут возникать по разным причинам. Возможно, эксперт, которому были поставлены определенные вопросы, не обладает познаниями в данной области, поэтому и ответов на них не последовало в заключении. Не исключён человеческий фактор, в результате которого эксперт пропустил тот или иной вопрос, на который должен был дать ответ.

Также возможно то, что данный эксперт слабо владеет данной методикой при проведении экспертизы.

Определенные проблемы возникают, когда в экспертном заключении на поставленные эксперту вопросы следуют ответы вероятного характера. Очень сложно дать оценку такому заключению, в котором нет четко поставленного ответа. Как можно положить в основу доказательств такое заключение? Разумеется, что судья, прокурор, а также другие участники уголовного судопроизводства под сомнение поставят такие выводы. Для разрешения подобной проблемы необходимо будет назначать повторную либо дополнительную экспертизу.

Очень важно установить истинные обстоятельства по делу, заключение эксперта «играет» огромную роль в исходе рассматриваемого уголовного дела в суде. Неустановление или ненадлежащее установление тех или иных обстоятельств может повлечь за собой вынесение несправедливого решения.

Бывают случаи, когда невиновные в совершенном деянии граждане берут на себя ответственность за других лиц по различным причинам: боязнь, что лишат свободы близкого человека; заставляют взять вину на себя под угрозой расправы и т.д.

Также бывают другие обстоятельства, когда лицо действительно виновно в совершении преступления, но не имеется достаточного количества доказательств, которые бы говорили об его виновности, и заключение эксперта в данном случае является ключевым.

Кроме того, очень важно брать во внимание выводы экспертного заключения при составлении обвинительного заключения. Нельзя отпускать и не указывать в обвинительном заключении исследовательскую часть экспертных выводов. Не редки случаи, когда данная часть экспертного заключения не берется следователем во внимание или же берется, но не в том объеме, в котором это необходимо. Полнота и правильность составления обвинительного заключения играет немаловажную роль в ходе судебного производства по делу, сведения, которые в нем содержатся, имеют немаловажное доказательственное значение.

Также бывают случаи, когда следователь не согласен с выводами эксперта. Когда такое происходит, то в обязательном порядке необходимо в обвинительном заключении указать данный факт.

Допущенные ошибки, а также недостаточно полное расследование уголовного дела негативно сказываются на тактике поддержания государственного обвинения в суде. В связи с тем, что досудебное производство по делу неразрывно связано с судебным разбирательством, очень важно правильно в ходе расследования того или иного дела установить факт совершения общественно опасного деяния.

В случаях, когда расследование уголовного дела произведено не в полном объеме, не выяснены определённые обстоятельства, без которых нельзя сделать однозначный вывод по определенным доказательствам, поддержание государственного обвинения при таких обстоятельствах

становится очень сложной задачей. Также создают проблемы при поддержании государственного обвинения ошибки, которые были допущены в ходе досудебного производства.

Таким образом, от качества проведенного расследования зависит рассмотрение дела в судебном порядке. Следует отметить, что на стадии судебного разбирательства суд исследует все доказательства по делу и проверяет их на объективность. Государственный обвинитель также проверяет доказательства, добытые на досудебной стадии и в случае, если будут установлены ошибки, в обязательном порядке необходимо принимает меры по их устранению.

Так, если в ходе судебного разбирательства обнаружится, что экспертное заключение содержит в себе неполную информацию или данное заключение не содержит в себе конкретные выводы, то участники процесса, в том числе прокурор, могут вызвать эксперта в суд для прояснения конкретных обстоятельств и (или) назначить дополнительную экспертизу.

Каждое неверно выполненное действие как в ходе досудебного производства по уголовному делу, так и в ходе судебного разбирательства может повлечь за собой вынесения несправедливого приговора.

Думается, что необходимо в обязательном порядке государственному обвинителю, который будет поддерживать обвинение по конкретному делу, обращаться к следователю, чтобы правильно понимать выводы проведенной экспертизы, которые следователь указал в обвинительном заключении. Вместе с тем, с этой же целью необходимо взаимодействовать с экспертом, чтобы не упустить важные детали по делу. После выяснения вышеизложенного «государственному обвинителю необходимо проверить соответствие выводов заключения эксперта другим имеющимся в уголовном деле доказательствам». Как в своё время указывал известный учёный-процессуалист советского периода А.В. Линовский в 1949 году, что «улики сами по себе не составляют собственного доказательства, но сила их увеличивается, когда многие признаки соединяются вместе» [22, с. 137].

Также, в рамках анализа норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих экспертную деятельность и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» необходимо рассмотреть еще один законодательный пробел. Так, ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» устанавливает обязательное отражение оценки результатов экспертных исследований в экспертном заключении, когда как УПК РФ такого требования не устанавливает.

Также любопытным представляется требование о содержании в экспертном заключении положений, устанавливающих обязательное указание в экспертном заключении вопросов, поставленных перед экспертом, лицом, назначившим производство судебной экспертизы. На практике, в силу отсутствия специальных знаний в сфере науки и техники по предмету назначаемой экспертизы у должностных лиц, производящих предварительное расследование и у суда, может возникнуть ситуация, в ходе которой при назначении экспертизы будут заданы некорректные вопросы эксперту, однако, в силу положений статьи 57 Уголовно-процессуального кодекса, эксперт не в праве изменять вопросы, поставленные перед ним следствием и (или) судом.

В этой связи, справедливой представляется позиция Е.Р. Россинской предлагающей расширение полномочий эксперта, в части полномочий эксперта как по запросу дополнительных материалов для производства судебной экспертизы, так и положений, устанавливающих право эксперта включать в экспертное заключение сведения, по которым вопросы поставлены не были, однако, в ходе проводимого исследования имеющие значения для уголовного дела и ставшие известными в процессе производства экспертизы, а также предоставления возможности эксперту по переформулированию некорректного вопроса лица, назначившего экспертизу.

Считаем обоснованным рассмотреть условия проводимой экспертизы, представляемые вместе с экспертным заключением и условия проводимой экспертизы, указываемые в документах, предоставляемых по требованию

лица, назначившего экспертизу. Условия проводимой экспертизы, предоставляемые вместе с экспертным заключением, состоят из данных об эксперте, который проводит назначенную экспертизу, некоторая информация об объектах, в отношении которых проводится экспертиза и информация о лицах, присутствующих во время проведения экспертизы. Что же касается условий проводимой экспертизы, указываемых в документах, предоставляемых по требованию лица, назначившего экспертизу, то в них содержатся более детализированные условия непосредственно процесса экспертной деятельности, например, температура в помещении, в котором проводится экспертиза и иные, значимые для дачи экспертного заключения данные, но которые могут являться не столь значимыми для рассмотрения дела, связанного с назначением и производством экспертизы. Связано это, во-первых, со сложностью экспертной терминологии, доминирующей в указанных документах, во-вторых, с целью избегания нагромождения материалов рассматриваемого дела информацией, не влияющей на уяснение и понимание результатов экспертного заключения.

В настоящее время экспертное заключение, как и другие доказательства, не имеет заранее установленной силы и подлежит обязательной всесторонней оценке. Этот подход видится нам вполне оправданным. Только строгая научность и обоснованность проводимых экспертных исследований, базирующихся на общенаучных методах, позволяет говорить о доказательственном значении заключения эксперта и обеспечить в полной мере законность, обоснованность и мотивированность процессуальных решений, принимаемых на его основе при разрешении уголовного дела.

Как нам видится, заключение эксперта приобретает статус неопровержимого доказательства только при выполнении условий: соблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы, оформления ее результатов; научная обоснованность (использование общепринятых и научно обоснованных методик исследования, прошедших

обязательную процедуру валидации); категоричность выводов эксперта (положительный либо отрицательный вывод).

Кроме этого, на наш взгляд, доказательственное значение экспертного заключения, а в конечном итоге его неоспоримость обусловлены компетенцией судебного эксперта, которому поручено производство судебной экспертизы.

Отдельные ученые (например, А.Н. Петрухина) полагают, что удобно начинать с сопоставления выводов экспертизы с другими доказательствами по уголовному делу, а уже после этого оценить их научную обоснованность и соблюдение процессуальной формы.

Такая точка зрения видится не совсем верной, так как в случае совпадения выводов заключения эксперта с другими материалами дела это заключение априори воспринималось бы в качестве доказательства и в меньшей степени обращалось бы внимание на оценку формы заключения эксперта, его научную обоснованность, допустимость и др.

Представляется верным согласиться, что оценка достоверности заключения эксперта является окончательной стадией процесса оценки заключения эксперта, а его сопоставление с другими имеющимися доказательствами и материалами уголовного дела - неотъемлемым элементом данного процесса, так как лица, осуществляющие расследование, должны оценивать заключение эксперта в первую очередь с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а затем, исходя из специфики заключения эксперта, научной обоснованности и полноты.

На практике возникают определенные проблемы, касающиеся экспертного заключения.

Это касается, например, того, что выводы в заключении даются неполные, неконкретизированные. Данные обстоятельства негативно отражаются на рассмотрении уголовного дела в суде.

Таким образом, использование экспертного заключения и показаний эксперта в качестве доказательств в уголовном процессе имеет важное процессуальное значение.

Заключение эксперта при проведении предварительного расследования имеет весьма значимое доказательственное значение и очень часто используется в уголовном процессе.

В Уголовно-процессуальном Кодексе, в статье 204 содержатся лишь некоторые положения и требования к производству судебной экспертизы и форме экспертного заключения.

Нормативные требования к форме экспертного заключения имеют определенные законодательные пробелы и коллизии, устранимые добавлением в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации бланкетной нормы к Федеральному Закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Глава 2 Криминалистические особенности производства судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии

В настоящее время отсутствует типовая методика экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, которая бы в полной мере учитывала опыт правоприменителей и научные разработки. Также отсутствует регламентация действующим законодательством порядка назначения и проведения судебно-культурологической, не закреплены основные методологические подходы к проведению определенного вида экспертиз, включая судебно-культурологическую экспертизу.

Последние десятилетия характеризуются возникновением значительного числа новых экспертиз. Однако следует указать, что большинство из них представляют собой новые подтипы уже существующих традиционных экспертиз. Их возникновение напрямую связано с протекающими в научном знании и производственных сферах процессами специализации и дифференциации.

Важно отметить, что «новые виды экспертизы решают вопросы не об истинности или ложности феномена, а они решают вопросы отношения и позиции к данному предмету, его неоднозначных интерпретаций и их последствиях. [21, с. 92]. Таким образом, предмет экспертизы «проблематизируется», а его «проблемность» связана с усложнившимся представлением о сути человеческого существования. Экспертиза, таким образом, носит антропологический, а не предметный характер.

Учеными представляется, что «задачи новых видов экспертиз, прежде всего, связаны с определением последствий воздействий предмета события на окружающую природную и социальную среду и в особенности на личность человека, а не с оценкой предмета» [9, с. 21]. Необходимо уточнить, что, если формально объектом анализа традиционных и новых видов экспертиз может

выступать одно и то же явление, предмет и задачи экспертизы нового вида и традиционной экспертизы будут существенно отличаться.

Гуманитарная экспертиза в широком смысле понимается исследователями как изучение потенциального влияния явления «на жизнь людей, их физическое и психологическое состояние, социальное взаимодействие, систему ценностей, а также как анализ воздействия культурных особенностей, различных социальных факторов на реализацию задуманных проектов» [29, с. 65]. Предметом гуманитарной экспертизы «могут стать объекты, не ограниченные рамками дисциплинарного подхода, такие как религиоведение, этнография, политология и так далее [16, с. 195].

Как указывают исследователи, и мы поддерживаем их точку зрения, «в современной научной среде встречаются разные вариации названия гуманитарной экспертизы: социогуманитарная, социокультурная и эта вариативность может быть связана с необходимостью уточнения предмета исследования или специализации эксперта» [4, с. 467].

По мнению ученых-культурологов, «культурологическая экспертиза выступает как особое направление теоретического моделирования и прогнозирования культурного развития и её основными задачами являются выявление основных векторов и перспектив, а так же разработка критериев и принципов взаимодействия между различными социальными субъектами, осуществляющими культуротворческую деятельность» [9, с. 25].

В соответствии с точкой зрения А.П. Садохина, утверждающего, что «культурологическая экспертиза трактуется как особый вид исследовательской деятельности, методологической основой которой является культурологический подход, ставящий себе целью установление культурного значения и ценности предметов, фактов, явлений и суждений сферы культуры». Ученый особо подчёркивает, что «объектом культурологической экспертизы может являться любое явление, предмет, событие или произведение, исследовательское пространство культурологической экспертизы охватывает весь мир культуры, все ее

проявления». Таким образом, культуролог интерпретирует культурологическую экспертизу «как специфическую разновидность исследования». Среди целей подобного вида исследования ученый особо выделяет в качестве ключевых «аксиологическое и атрибутивное установление фактических данных относительно различных предметов, произведений искусства, событий и явлений культуры» [34, с. 77].

Особую важность как для науки в целом, так и для практики в частности, имеет понимание культурологической экспертизы, предлагаемое Л.В. Никифоровой. Ученая указывает на то, что «хотя экспертиза частью авторов понимается, как особый способ коллективного обсуждения возникающих проблем, как способ коллективного принятия решений, ключевой характеристикой культурологической экспертизы всё же является не технология обсуждения, а сама культурологическая теория». Исследователь делает особый акцент на «исключительной важности понимания явления с точки зрения культурологии, то есть на знакомство с некоей концепцией, понимание того или иного объекта, явления, процесса как культурного должно что-то менять в отношении к нему» [29, с. 65].

А.П. Садохин также разделяет подобный подход и отмечает следующие, решаемые культурологической экспертизой задачи: идентификационные, диагностические, классификационные, атрибутивные и нормативные. Он раскрывает их содержание, как «определение тождества объекта экспертизы; его типологизация; выявление его основных свойств и выяснение состояния объекта; установление принадлежности объекта к какому-либо классу, виду, роду, группе, категории; характеристика соответствия или несоответствия объекта существующим нормам и правилам социокультурной действительности» [34, с. 78].

Важно также отметить, что экспертиза подразумевает установление общих и частных признаков объекта экспертизы, и, что особенно значимо в рамках данного исследования, и, что отмечается А.П. Садохиним, «проведение его сравнительного сопоставления». Это делает доступным

установление индивидуально-конкретной специфики объекта экспертизы, основываясь на совокупности его частных признаков. Именно атрибуция идентичности объектов культурологической экспертизы А.П. Садохин определяет, как «важнейшую задачу экспертизы, несмотря на то, что в процессе исследования решаются многочисленные задачи, в том числе – неидентификационные, связанные косвенно с предметом и объектом экспертизы и имеющие важное значение в отношении фактов и обстоятельств всего экспертного исследования» [34, с. 79].

Крайне интересно свою мысль интерпретируют В.Р. Семенов и Н.С. Гришин, предлагая «модель методики прикладной культурологической экспертизы, которую она разрабатывает на примере анализа культурного пространства университета». [35, с. 75]. Данная технология была разработана авторам в качестве примера интерактивного занятия для освоения студентами РГПУ им. А.И. Герцена темы «Культурное пространство» из курса культурологии. Разработка направлена на освоение теоретической модели культурного пространства, а также «открытие» культурного пространства университета.

Объектом судебно-культурологической экспертизы выступает конкретный предмет (текст документа, рисунок, аудиозапись), для изучения которого необходимо применение специальных знаний.

Данные исследования имеют монодисциплинарный характер. Для использования экспертизы «как способа исследования необходимо наличие в науке апробированных и легитимных методов исследования, важнейшим фактором которого, позволяющим проводить экспертизу, является также существование некоего стандарта, с которым возможно проводить сравнение объекта экспертизы» [9, с. 51]. Ученый указывает, что «целью такой экспертизы является подтверждение или опровержение какого-либо факта, которое в дальнейшем может быть использовано и именно доказательство истинности или ложности факта выступает в качестве основной задачи традиционной экспертизы».

Вопросы интерпретации этого факта, по мнению П.А. Скобликова «относятся к иной сфере деятельности, например – правозащитной или законодательной» [36, с. 83]. По мнению ученого, «типологизация традиционных видов экспертиз может осуществляться с основанием на производственные сферы, например, криминалистическая, судебно-медицинская, таможенная или на предмет исследования, например, ботаническая, зоологическая, микробиологическая, энтомологическая, агробиологическая, агротехническая, ветеринарно-токсикологическая».

Несмотря на то, что «предметы экспертизы могут быть разнообразными, обязательные характеристики традиционных экспертиз остаются неизменными» [7, с. 55]. По мнению ученого, это «предметная направленность, монодисциплинарный характер, использование проверенных, апробированных, утвержденных методик исследования, диагностическая цель и доказательный характер экспертного заключения об истинности или ложности факта, чёткость и однозначность выводов экспертного заключения, объективность и внеперсональность деятельности эксперта».

Эксперт в судебно-культурологической экспертизе при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии использует один из наиболее востребованных методов – семантическое протоколирование диалогов.

В практике современной культурологической судебной экспертизы, характеризующейся становлением самостоятельного концептуального аппарата, процедура семантического протоколирования диалога отличается определенной теоретико-методологической строгостью и касается ситуаций, связанных с фиксацией имплицитной и зашифрованной информации.

Необходимость прибегания к такого рода лингвистическим практикам в преступном сообществе наиболее распространена в ситуациях, связанных в том числе и с расследованием занятия высшего положения в преступной иерархии.

Данная экспертиза требует проведение семантического лингвистического анализа и является одной из важнейших процедур доказывания виновности подозреваемого посредством выявления и репрезентации типичных особенностей его разговорной речи в конкретной коммуникативной ситуации, характеризующейся такими параметрами, как:

- полнота речи;
- свобода языковых средств;
- апелляция к ситуации;
- многообразие возможных форм косвенной артикуляции смыслов.

Главной проблемой описываемого метода экспертного анализа речи является ситуация совпадения нескольких – прямого и косвенных смыслов в рамках конкретного речевого акта. Эффективным способом решения данной проблемы является применение метода семантического протоколирования речи посредством последовательной интерпретации реплик участников коммуникативной ситуации сквозь призму стремления последних к экономии языковых ресурсов, а также избыточности их коммуникативного поведения. На уровне материи языка первая из описываемых коммуникативных активностей заявляет о себе посредством разнообразных дейктических средств, а вторая – частыми возвращениями субъектов речи к описательным конструкциям, призванным не столько уточнить, сколько обозначить обсуждаемую тему.

Кроме того, описываемая модель речевой активности также характеризуется чрезмерным употреблением приема умолчания и разного рода словами-заместителями, призванными увести постороннего слушателя от скрываемого смысла и содержания диалога. В этом смысле семантическое протоколирование диалога ставит перед собой цель полного или частичного восстановления недостающей информации посредством выявления логических аномалий языка, указывающих на существование в нем некоего потайного смысла и постепенное приближение к нему, используя следующий

алгоритм экспертно-лингвистической мыследеятельности: от прямой речи через косвенную к конечной цели – интерпретации.

Иными словами, реализация описываемого метода судебной лингвистической экспертизы осуществляется посредством выделения в речи подозреваемого субъекта протокольных фраз-предложений с целью их последующего перевода в косвенную форму и выявления истинного коммуникативного намерения говорящего с учетом ближайшего речевого контекста.

При производстве судебной культурологической экспертизы недопустимы субъективные оценки тех или иных языковых явлений, единиц в спорных текстах, однако анализ значительного количества заключений экспертов/специалистов по данным категориям дел позволяет констатировать разный подход к квалификации разных языковых фактов. Осуществление этой процедуры на практике становится возможным благодаря использованию восстанавливаемых слов (например: кто? что? кому?), а также внимания к моделирующим коммуникативную ситуацию факторам: место, время, ролевой статус и отношения между субъектами коммуникации, жанр речевой ситуации и тональность общения.

Совокупность обозначенных факторов находит свое выражение в понятии дискурсивного маркера, означающего такие языковые единицы, которые непосредственно участвуют в разворачивании коммуникативной ситуации и определяют поведение ее участников. Таким образом, назначение дискурсивных маркеров сводится к конституированию и регулированию речи говорящих субъектов, а их аналитика позволяет обнаружить ментальную взаимосвязь в высказываниях говорящих, а также понятность их речи остальным участникам коммуникации [41, с. 203].

В этом смысле, истинным назначением семантического протоколирования диалога является вовсе не обнаружение и фиксация тщательно скрываемого содержания говорящим его речи, а интерпретация самого коммуникативного поведения, позволяющая установить пространство

коммуникативной ситуации: роли говорящих и тональность проводимой ими беседы.

Так, например, по рассмотренному нами уголовному делу по обвинению ранее упомянутого Ш.Т. Озманова, «была произведена судебно-культурологическая экспертиза по татуировкам на теле лица, подтвердившая принадлежность обвиняемого к преступному миру (восьмиконечные звезды на коже в районе коленей и ключиц, кресты, пауки, пистолеты и др.)» [44].

Следует отметить, что «по вопросам организованной преступности в России отсутствует официальная нормативная база, которая содержала бы правовой инструментарий, помогающий определить законы воровского мира; разъясняла бы особенности преступной иерархии; характеризовала бы особенности толкования криминальных татуировок» [19, с. 51]. Что в свою очередь, порождает некоторые сомнения в достоверности доказательственного значения указанных судебных исследований.

Исследование состоит из нескольких этапов: подготовительный этап, этап концептуализации, этап описания культурного пространства университета. Первый этап предполагает знакомство с уже существующими в научной литературе описаниями культурного пространства. Второй этап связан с уточнением и закреплением концепции культурного пространства. Наконец, третий этап представляет собой составление комментированного перечня «мест» культурного пространства [42, с. 50].

С целью предупреждения экспертных ошибок и обеспечения достоверности и бесспорности экспертного заключения эксперт может воспользоваться предоставленным ему правом ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов (ст. 57 УПК РФ). Можно предположить, что здесь речь идет не только о случаях возникновения необходимости привлечения экспертов других экспертных специальностей, но также о случаях, когда свойства представленных исследуемых объектов, в силу своей уникальности, выходят за пределы специальных знаний эксперта о них, хотя последние и являются объектами

данного вида экспертизы. В противном случае эксперту следует отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний. Другими словами, эксперт должен составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

Рассмотрим пример из практики. Следствие обвинило гражданина О. в том, что «гражданин О, желая самореализоваться в преступной среде, отрицая общепринятые моральные принципы и правила поведения, стимулируя преступное поведение, укрепляя преступный профессионализм, имея умысел занять высшее положение в преступной иерархии, определяющей структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций, в точно неустановленном месте в точно неустановленное время, но не позднее 10 декабря 2011 года, имея родственные связи среди лидеров уголовно-преступной среды, решил придерживаться обычаев и традиций уголовной среды» [44]. В названном уголовном деле в отношении гражданина О. следствие назначило культурологическую экспертизу перманентных рисунков (татуировок) на теле обвиняемого и получило по ее итогам заключение. Согласно выводам эксперта, имевшиеся на теле гражданина О. «восьмиконечные звезды» и «гусарский эполет» свидетельствовали о занятии им высшего положения в преступной иерархии, принадлежности к элите криминального мира. Однако уровень профессиональной подготовки, компетентность эксперта-культуролога едва ли выдерживали критику. У него не было профильных документов об образовании, специализации и документов, подтверждающих соответствующий опыт [15, с. 258].

В частности, предметом исследования криминалистической судебной экспертизы татуировок может являться установление смыслового содержания изображений, нанесенных на тело носителя. Перед экспертом можно поставить следующие вопросы:

- что такое татуировка, имеется ли общепризнанная классификация татуировок;
- регулируется ли нормативно (в федеральных законах, законах субъектов РФ, актах органов местного самоуправления, подзаконных и ведомственных актах, правовых обычаях и обыкновениях и т. д.) процесс татуирования в РФ;
- имеется ли в татуировках какой-либо смысл, кроме эстетического
- являются ли татуировки знаком принадлежности к какой-либо субкультуре или группе лиц, если да, то каким образом такая принадлежность регламентируется;
- можно ли отнести татуировки, имеющиеся на теле подсудимого, к категории криминальных, если да, то по каким признакам;
- можно ли установить в татуировках, имеющихся на теле подсудимого, смысловую нагрузку, завуалированную информацию, иные данные, раскрывающие их содержание;
- можно ли установить из татуировок, нанесенных на тело подсудимого, информацию о совершенных им преступлениях, принадлежности к конкретным преступным группам, дате их нанесения, преступной специализации;
- являются ли татуировки, нанесенные на тело подсудимого, свидетельством принадлежности к преступной иерархии, если да, то по каким признакам, на основании каких источников;
- имеется ли в татуировках, нанесенных на тело подсудимого, информация о принадлежности к высшей иерархии преступного мира, если да, то по каким признакам, на основании каких источников;
- какие татуировки и на каком основании можно отнести к категории «вор в законе»;
- можно ли однозначно установить из татуировок, нанесенных на тело подсудимого, принадлежность к группе «вор в законе»;

Среди многообразия видов татуировок для получения криминалистически значимой информации о личности преступника представляет интерес прежде всего так называемое уголовное татуировки, а не другие его виды – бытовое, памятное, декоративное, ибо известно, что наличие у лица уголовного татуировки прежде всего связано с его криминальным прошлым и криминогенной ориентацией, как правило, связаны с отбыванием наказания в виде лишения свободы.

Одним из первых на распространение татуировок среди преступников обратил внимание итальянский врач-психиатр Ч. Ломброзо (1835-1890), который считал татуировки проявлением атавизма и признаков морально меньше-стоимостных, неполноценных людей. По его мнению, татуировка у преступников тесно связано с умственными способностями носителей, в основном прирожденных преступников и проституток. Ч. Ломброзо привел типичную фразу осужденных о татуировках: «Татуировка для нас как фрак с орденами: чем больше татуированный, то больший авторитет имеешь среди приятелей, тогда как не татуированный, напротив, не имеет влияния». Ю. Дубягин называет уголовные татуировки «наглядным хроническим клеймом судимости», а явлении татуировки причисляет к формированию преступных типов личности в местах лишения свободы. Кроме того, он обращает внимание на суровую биографичность татуировок, их соответствие данным личного дела осужденного и отмечает наличие корреляционной связи между изображением татуировки, которое избирает осужденный, с психологией его личности.

Прежде уже факт наличия у лица «криминального» татуировка дает возможность предположить, что это лицо ранее совершило преступление и был осужден к лишению свободы. В зависимости от рисунка татуировки и его смыслового значения можно получить такую информацию о личности его носителя:

- сведения персонографического характера – дату рождения, год заключения, год освобождения из мест лишения свободы, номера

исправительных учреждений (ИТУ) и местности, где гражданин отбывал наказание;

- сведения о преступной деятельности – количество судимостей, срок лишения свободы, вид режима и ВТУ, состав преступления (хулиганство, кража, ограбление и т.д.), преступную специализацию и квалификацию, способ и место совершения преступлений, статус в преступной иерархии, принадлежность к определенному преступной группировки.

По делам данной категории могут назначаться лингвистические судебные экспертизы. Предметом исследования лингвистической экспертизы будет являться установление смыслового содержания конкретных слов и словосочетаний, их этимологии, проведение семантического исследования.

Эксперту целесообразно поставить следующие вопросы:

- каково значение словосочетания «преступная иерархия», «преступное сообщество» и «преступная группа»;
- как между собой соотносятся по смысловому значению словосочетания «преступная иерархия», «преступное сообщество», «преступная группа» (как общее и частное или их значения равнозначны);
- возможно ли употребление словосочетания «преступная иерархия» в отрыве (то есть без логической взаимосвязи) от словосочетаний «преступное сообщество», «преступная группа»;
- каково значение словосочетания «высшее положение в преступной иерархии»;
- является ли словосочетание «высшее положение в преступной иерархии» идентичным по смыслу словосочетаниям «высшее положение в преступном сообществе», «высшее положение в преступной группе»;
- каково значение словосочетания «вор в законе»;
- какова история происхождения данного выражения;

– является ли словосочетание «вор в законе» общепризнанным;

Как между собой соотносятся по смысловому значению словосочетания «вор в законе» и «высшее положение в преступной иерархии» (как общее и частное или их значения равнозначны);

Реализация экспертом права ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов встречается довольно редко и сопряжена с трудностями. Объясняется это, прежде всего тем, что выпускник профильного образовательного учреждения системы МВД России либо сотрудник, прошедший обучение в рамках дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности и не имеющий экспертной практики по конкретной экспертной специализации, по мнению руководителя экспертного учреждения, считается обладающим достаточным уровнем профессиональных компетенций для решения вопросов, требующих применения специальных знаний в конкретной области знаний [17, с. 24] .

В то же время практика назначения повторных экспертиз зачастую подтверждает обратное. В результате не единичны случаи, когда сформулированный неопытным экспертом вероятный вывод в его первом в практике заключении опровергается выводами повторной экспертизы, порученной другому эксперту, «продолжительными занятиями по конкретной экспертной специальности приобретающему особенную опытность», результаты которой заканчиваются формированием категорических суждений о фактах. Еще печальнее, когда выводы повторных экспертиз в конечном итоге подтверждаются совокупностью других доказательств, собранных по уголовному делу.

Совершенно очевидно, что в данной ситуации речь идет о так называемом человеческом факторе, поскольку эксперт, как и все люди, не застрахован от ошибок в экспертной практике. Здесь уместно вспомнить слова известного российского присяжного поверенного П.С. Пороховщикова (П. Сергеича): «Серьезное заключение ученого имеет, конечно, право на

уважение сторон; но так как людям свойственно ошибаться, то всякий вправе сомневаться в выводах самых знающих специалистов...».

В специальной литературе, посвященной проблемам использования специальных знаний, ранее высказывались предложения отдельных авторов о привлечении специалистов для оказания помощи экспертам при производстве судебной экспертизы. Хотя данные идеи относятся к периоду действия УПК РСФСР, в наши дни аналогичное мнение получило распространение. Так, отмечается, что у эксперта при ответе на поставленный перед ним вопрос может возникнуть потребность в консультации специалиста, хотя такая ситуация не предусмотрена законом.

С таким выводом сложно согласиться, поясним почему. Само по себе привлечение специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его компетенцию, не нарушает процессуальные нормы, если такая помощь требуется сторонам или суду, к которым эксперт, как известно, не относится.

Допускаем также, что компетенция специалиста может быть шире компетенции эксперта и его помощь будет действительно полезна для общего дела. Но, на наш взгляд, в этом случае получается, что специалист подменяет собой эксперта, выполняя несвойственные ему функции. Другими словами, специалист переходит в статус судебного эксперта, в свою очередь, эксперт выходит за рамки экспертной инициативы.

Нам представляется, что в целях обеспечения полноты, всесторонности и объективности проводимых экспертных исследований, а также обоснованности и достоверности сделанных экспертом выводов могут быть использованы следующие рекомендации.

Во-первых, эксперту, имеющему опыт работы по конкретной экспертной специальности менее одного года, может быть поручено единоличное производство судебных экспертиз, решающих простые диагностические задачи, например, определение принадлежности вещества к наркотическим, установление модели огнестрельного оружия и т.п.

Во-вторых, так называемый начинающий эксперт может привлекаться к производству судебной экспертизы по решению идентификационных задач только в составе комиссии экспертов, имеющих опыт работы по указанной экспертной специальности не менее трех лет. И в-третьих, если эксперт считает, что не обладает достаточными специальными знаниями для производства той или иной судебной экспертизы, ему следует воспользоваться своим правом на возвращение без исполнения постановления о ее назначении.

Ситуация с формированием экспертного вывода осложняется еще и тем, что в настоящее время отсутствует единое научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности различных министерств и ведомств нашей страны. Такая разобщенность препятствует формированию достаточной доказательственной базы по уголовному делу.

К примеру, отсутствие по ряду вопросов единого научно-методического обеспечения между экспертными учреждениями МВД России и Минюста России может привести к ошибочной оценке заключения эксперта лицами, назначившими экспертизу, а также судом, что впоследствии повлечет вынесение незаконного решения по уголовному делу. К сожалению, нельзя исключать злоупотребления следователем таким положением дел в своих корыстных интересах [18, с. 51].

На сегодняшний день, к сожалению, государством не приняты в полном объеме меры по стандартизации и верификации методик экспертных исследований. Механизмы валидации, впервые закрепленные в проекте нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», до сих пор не выработаны и не реализованы.

Мы полагаем, что для решения обозначенных и многочисленных других проблем судебно-экспертной деятельности требуется унифицированный подход к подготовке судебных экспертов разных специализаций, а также к методическому обеспечению данной сферы.

Таким образом, при появлении новой статьи УК РФ и отсутствия достаточной судебной практики, по методике проведения судебно-

культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, возникает целый ряд проблем, преодоление которых, на наш взгляд, возможно осуществить посредством организации работы в следующих направлениях:

- анализ, обобщение и систематизация материалов экспертной и судебной практики по уголовным делам в отношении лиц, осужденных за занятие высшего положения в преступной иерархии;
- четкое определение объектов и предмета экспертизы, систематизация задач;
- разработка типовой методики судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии с учетом опыта правоприменителей, а также научных разработок в данной области;
- выработка единого терминологического аппарата для данного рода и видов судебной экспертизы;
- создание программ профессиональной подготовки (переподготовки), повышения квалификации экспертов-лингвистов, включающих основы лингвистики, криминалистики, общей теории судебной экспертизы, юриспруденции.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы о проделанной работе и сформулировать предложения и практические рекомендации.

Установлено, что процесс проведения судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве регламентируется нормами Федерального закона от о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, с которым в обязательном порядке знакомит подозреваемого, обвиняемого, его защитника, и разъясняет им права, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Подчеркнуто, что производство судебной экспертизы играет ключевую роль при расследовании и раскрытии занятия высшего положения в преступной иерархии, посредством применения которой следствие получает доказательства, имеющие существенное значение по уголовному делу. Сущность экспертизы заключается в применении специальных знаний, в различных областях науки, искусства, ремесла.

Определено, что нормативные требования к форме экспертного заключения имеют законодательные пробелы и коллизии, устранимые добавлением в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации бланкетной нормы к Федеральному Закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Акцентируется, что при появлении новой статьи уголовного кодекса и отсутствия достаточной судебной практики, по методике проведения судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, возникает целый ряд проблем, преодоление которых, возможно осуществить посредством организации работы в следующих направлениях:

- анализ, обобщение и систематизация материалов экспертной и судебной практики по уголовным делам в отношении лиц, осужденных за занятие высшего положения в преступной иерархии;
- четкое определение объектов и предмета экспертизы, систематизация задач;
- разработка типовой методики судебно-культурологической экспертизы при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии с учетом опыта правоприменителей, а также научных разработок в данной области;
- выработка единого терминологического аппарата для данного рода и видов судебной экспертизы;
- создание программ профессиональной подготовки (переподготовки), повышения квалификации экспертов-лингвистов, включающих основы лингвистики, криминалистики, общей теории судебной экспертизы, юриспруденции.

На основании обобщения изложенного, считаем необходимым обратить внимание на то, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии следует считать воров в законе, положенцев, смотрящих, т.е., организаторов или руководителей преступного формирования (сообщества), имеющих непререкаемый авторитет в уголовно-преступной среде, придерживающееся традиций и обычаев криминального мира, являющееся идеологом преступного образа жизни и морали, к основным критериям преступной деятельности которых относятся организация деятельности преступного формирования, определение основных направлений и тактики его деятельности, разрешение спорных вопросов между членами криминальной среды как внутри, так и с иными организованными преступными группами или формированиями, организация, руководство и принятие решений на воровских собраниях – «сходках», организация сбора финансовых средств в воровскую кассу – «общак», и распределение имеющихся финансовых ресурсов т.д.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров В.Б. О понятиях общественного бытия, социальной реальности и общественного сознания // Управленческое консультирование. 2019. № 3. С. 62-71.
2. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе: моногр. / К.И. Бринев. М. : Либроком, 2018. 200 с.
3. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90-99.
4. Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 467-468.
5. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // ЮП. 2019. № 2 (89). С. 158-163.
6. Габа А.И. О некоторых мерах по повышению эффективности использования результатов судебных экспертиз // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика. Сборник материалов II Международной заочной научной конференции. 2017. С. 593-597.
7. Глазкова Л.В. Особенности современных организованных преступных групп // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 54-60.
8. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3(94). С. 84-88.
9. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрлингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11-58.

10. Долгова А.И. Организованные криминальные реалии и проблемы уголовно-правового реагирования на них // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики. Сборник научных трудов / под общ. редакцией чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2019. С. 28-29.

11. Иванчин А.В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 2. С. 54-58.

12. Кармановский М. С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 2. С. 147-152.

13. Кондратюк С.В. Судебно-психологическая экспертиза в расследовании преступного лидерства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (43). С. 5-9.

14. Кондратюк С.В. Информационные источники следственной и судебной профилактики преступного занятия высшего положения в преступной иерархии // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 303-308.

15. Кондратюк С.В. Криминологическая профилактика занятия высшего положения в преступной иерархии // Криминологические чтения: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России. В 2-х томах, Улан-Удэ, 27 мая 2021 года / Науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Н.С. Маркова. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021.С. 258-264.

16. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

17. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.

18. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51-57.

19. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 49-53.

20. Криминалистика: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А.И. Бастрыкин, А.Ф. Волынский, С.В. Дубровин [и др.]. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2017. 799 с.

21. Лебедев В.М. Уголовно-процессуальное право // Юрайт-Издат 22. 2014. С. 407.

22. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М. : ЛексЭст, 2001, 169.с.

23. Лихолетов А.А. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 32-40.

24. Лукошкина С.В. К вопросу о понятии эксперта как участника уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1 (19). С. 52-60.

25. Моисеев А.М. Профилактика преступлений в структуре судебно-экспертных технологий // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 367-371.

26. Нестеров А.В. Основы экспертной деятельности М. : Высшая Школа Экономики (Государственный Университет). 2018. С. 89.

27. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43-48.

28. Поздняков М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 (58). С. 155-161.

29. Пространство университетской повседневности: прикладное исследование в формате культурологической экспертизы / Л.В. Никифорова//Вестник Герценовского университета. 2011. № 7. С.60-70.

30. Победкин А.П. Уголовно-процессуальное доказывания: Монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 301.

31. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза с гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе // М. Юридическое издание Норма. 2018. С. 164.

32. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2020. 576 с.

33. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. Москва : Мир, 2016. 458 с.

34. Садохин А.П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // Культурологический журнал. 2012. № 3 (9). С. 78-79.

35. Семенов В.Р., Гришин Н.С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75-76.

36. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: статус или деяние? // Уголовное право. М. : Юридические программы. 2019. № 6. С. 81-85.

37. Судебная экспертиза. Курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза» / Т.В. Аверьянова. Москва : Изд-во Норма, 2009. С. 78.

38. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник /; Под ред. Е.Р. Россинской. Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА М, 2016. 368 с.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.

40. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // «Российская газета» № 106, 05.06.2001.

41. Хармаев Ю.В., Батоев В.Б. Оперативно-розыскное противодействие лидерам организованных преступных формирований: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 233-241.

42. Эминов В.Е., Максимов С.В. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России: монография / В.Е. Эминов, С.В. Максимов. М. : НОРМА, 2020. 80 с.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // «Российская газета», № 296, 30.12.2010.

44. Приговор Липецкого Областного Суда 07.06.2021 // Судакт (Дата обращения: 21.06.2021).